

И. С. ЮРЬЕВА

ИНФИНИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ ИМАМЪ И ИМОУ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ¹

В данной статье описывается значение, употребление и соотношение инфинитивных конструкций с глаголами **имамъ** и **имоу** в различных древнерусских письменных памятниках.

В качестве источников выбраны следующие тексты: летописи: 1) Повесть временных лет (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) — по изд.: [ПСРЛ I: 1—286; ПСРЛ II: 1—285]; 2) Киевская и Галицко-Волинская летописи по Ипатьевскому списку (соответственно КЛ и ГВЛ) — по изд.: [ПСРЛ II: 285—938]; 3) Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку (далее НПЛС), Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку (НПЛК) — по изд.: [ПСРЛ III]; 4) Суздальская летопись (СЛ) — по изд.: [ПСРЛ I: 287—540]; 5) Московский свод конца XV в. (МС) — по изд.: [ПСРЛ XXV]; 6) Летопись Авраамки (ЛА) — по изд.: [ПСРЛ XVI]. Использован материал юридических документов Древней Руси: 1) Русская Правда — по изд.: [Тихомиров 1953]; 2) другие древнерусские княжеские уставы — по изд.: [Акты 1836; Щапов 1976]. Рассмотрен материал древнерусских грамот — по [Зализняк 2004] и по изд.: [СГ 1963]. Исследованы также жития: 1) Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) в древнерусском переводе к. XI — н. XII в. (по сп. Тип. собр. № 182 к. XIV в., дополненному по сп. Сол. собр. № 216 XV в.) — по изд.: [Молдован 2000: 159—450]; 2) оригинальные славянские жития из Успенского сборника к. XII — н. XIII в.: а) Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ), б) Житие Феодосия Печерского (ЖФП) — по изд.: [УС: 43—135].

1. Обороты с глаголом **имамъ**

Инфинитивные сочетания «**имамъ** + инфинитив» — один из вариантов так называемого «сложного будущего первого». С самого начала изучения этих конструкций многие исследователи указывали на дополнительное модальное значение у глагола **имѣти** в составе инфинитивных оборотов.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущей научной школы Российской Федерации НШ-3402.2010.6.

Так, еще Ф. И. Буслаев писал, что **имамь** — наряду с **хочю** — в сочетаниях с инфинитивом мог вносить в инфинитивные конструкции значение «намерения, расположения и повода» [Буслаев 1881: 132].

Подробно семантика инфинитивных сочетаний с **имѣти** впервые описана у А. А. Потебни. Исследователь выделяет в этих конструкциях три возможных значения глагола: а) «**имамь** + инфинитив» = «**μέλλω** + инфинитив»; б) «будущее без оттенков»; в) «модальный оттенок необходимости» [Потебня 1888: 363—364].

В качестве примеров на значение (а) приведены только цитаты из Евангелия, в которых инфинитивные сочетания с глаголом **имамь** соответствуют греческим инфинитивным же конструкциям с глаголом **μέλλω**, например: «**прити имать сынъ чловѣчьскыи, μέλλει ἔρχεσθαι**, Мф 16: 17» [Там же: 363]. По всей видимости, исследователь воспринимает греческие конструкции «**μέλλω** + инфинитив» как формы сложного будущего — со значением «чистого» будущего: в своей работе А. А. Потебня поясняет значение глагола **μέλλω** через слово *τὸ μέλλον* ‘будущее время’ [Там же: 370].

Однако в действительности сам греческий глагол **μέλλω** вносит в сочетания с инфинитивом тот или иной модальный оттенок². В приводимом А. А. Потебней греческом евангельском тексте инфинитивное сочетание с **μέλλω** выражает значение ‘Ему предстоит прийти’, то есть вспомогательный глагол имеет значение предположения о будущем на основании каких-либо обстоятельств. Итак, для передачи греческой инфинитивной конструкции, имеющей помимо значения будущего дополнительное модальное значение ‘предстоять’, ‘быть должным’, выбрано сочетание инфинитива с **имамь**. Логично предположить, что греческой конструкции с модальностью долженствования соответствует в церковнославянском конструкция, также обладающая модальным значением, а не «чистое» будущее — значение (в) из [Потебня 1888].

Значение сочетания «**имамь** + инфинитив» не полностью соответствует различным возможным значениям конструкции «**μέλλω** + инфинитив», и в приведенном А. А. Потебней контексте перед нами не простое калькирование: во-первых, инфинитивными сочетаниями с глаголом **имамь** могли

---

² Значение **μέλλω**: «а) ...означает намерение или желание человека, составляющее проявление его воли: *μέλλω γράφειν* “я намереваюсь (намерен, хочу, думаю) писать”; *ἔμελλον γράφειν* “я намеревался (был намерен, хотел, думал) писать”... б) Оно означает предположение о будущем, причем выражается мысль, что подлежащее этого сочетания будет действовать или будет находиться в известном положении не по своей воле, а в силу каких-либо внешних обстоятельств...: *μέλλει ἀποθανεῖσθαι* или *ἀποθνήσκειν* “он ожидает, что умрет”, “ему предстоит умереть”, “он близок к смерти”, *ἔμελλεν ἀποθανεῖσθαι* или *ἀποθνήσκειν* “он ожидал, что умрет”, “ему предстояло умереть”, “он был близок к смерти”» [Соболевский 2003: 300].

быть переведены и другие греческие сочетания и формы³; во-вторых, сами греческие сочетания с μέλλω переводились инфинитивными сочетаниями с разными глаголами⁴.

Таким образом, в иллюстративных контекстах А. А. Потебни к значению (а) вряд ли имеет смысл вслед за ученым рассматривать «**ИМАМЬ** + инфинитив» как «чистое» будущее.

В качестве примеров к значению (б) в работе А. А. Потебни приводятся цитаты из Остромирова Евангелия и греческие соответствия инфинитивных сочетаний с **ИМАМЬ**. Но, в отличие от примеров к значению (а), здесь сочетаниям «**ИМАМЬ** + инфинитив» соответствуют не конструкции «μέλλω + инфинитив», а формы греческого простого будущего. Рассмотрим один из приводимых примеров: «**КГДА ЖЕ ПРЪДАЖЪ ВЪ, НЕ ПЬЦЪТЕСА, КАКО ИЛИ ЧЪТО ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ (λαλήσετε)... ДАСТЪСА (δοθήσεται) ВАМЪ, ЧЪТО ГЛАГОЛКТЕ (λαλήσετε)**»⁵, О.Ев. Мат. 10, 19» [Потебня 1888: 363—364]. Инфинитивному сочетанию **ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ** соответствует греческое простое будущее (λαλήσετε). Но ниже в том же стихе Остромирова Евангелия, приводимом исследователем, форма λαλήσετε передается как **ГЛАГОЛКТЕ**. А. А. Потебня видит разницу в том, что во втором случае оба действия представлены одновременными, а в первом — следующими друг за другом [Там же: 363]. Так, по мнению исследователя, **ДАСТЪСА ВАМЪ, ЧЪТО ГЛАГОЛКТЕ** означает: ‘дастся вам (сразу же), что сказать’ — а **НЕ ПЬЦЪТЕСА, КАКО ИЛИ ЧЪТО ИМААТЕ ГЛАГОЛАТИ** — ‘не заботьтесь (сейчас), как и что скажете (потом)’.

Итак, по мнению А. А. Потебни, при передаче одной и той же формы (греческого простого будущего) переводчиком сознательно использовались разные формы, чтобы выразить разные значения, и, соответственно, значение конструкции «**ИМАМЬ** + инфинитив» не эквивалентно «чистому» значению будущего.

Помимо предлагаемых А. А. Потебней значений одновременности/последовательности в подобных случаях, вероятно, возможно также, что **ИМАМЬ**-оборот в этой цитате из Остромирова Евангелия передает смысл ‘надлежит сказать, суждено сказать’ — ведь речь идет о предрекаемом бу-

³ Н. Birnbaum в работе [Birnbaum 1958] перечисляет греческие соответствия конструкциям «**ИМАМЬ** + инфинитив» в евангельских текстах: простое будущее, οὐ μή + аорист конъюнктива/аорист опатива/презент конъюнктива/простое будущее, реже аорист индикатива, μέλλω + инфинитив, ἔχω + инфинитив, аорист конъюнктива [Ibid.: 215—220].

⁴ Например, **СЕ ЖЕ ГЛАГОЛААШЕ ЗНАМЕНАМЪ, КОКИЖ СЪМЪРТИИЖ ХОТЪАШЕ ОУМРЪТИ** (Остромирово Евангелие, цит. по: [Потебня 1888: 370]), τοῦτο δὲ ἔλεγεν σημαίνων ποῖω θανάτῳ ἤμελλον ἀποθνήσκειν, ΙΩ 12: 33. [NT 1999: 292]

⁵ Греческий текст: ὅταν δὲ παραδῶσιν ὑμᾶς, μὴ μεριμνήσητε πῶς ἢ τί λαλήσετε· δοθήσεται γὰρ ὑμῖν ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ τί λαλήσετε, ΜΑΤΘ 10: 19 [NT 1999: 25]. Синодальный перевод: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать*, Мф. 10: 19 [Библия 2006: 1023].

душем. Соответственно, и здесь, как и в примере на значение (а), не исключена модальность⁶.

Для значения (в) А. А. Потебня приводит пример из ПВЛ: «сребромъ и златомъ не имамаь налѣсти (мне не найти, наверное не найду)⁷ дружины..., Лавр. 54» [Потебня 1888: 364]. К значению (в) исследователь относит и сочетания «**имамаь** + **быти**». **Имамаь** в сочетании с инфинитивом **быти**, по мнению исследователя, может иметь значение настоящего «с оттенком вероятности: взяша и, мѣртва мнѣше, вынесше положиша и пред пещерою и узрѣша, яко живъ есть, и рече игумен Оеодосий, яко “се имамаь быти отъ бѣсовскаго дѣйства”, Лавр. 83, т. е. не “будет” (das wird wohl sein), а “должно быть, вероятно” (млр. мабуь), это происходит (теперь) от бесовского наваждения» [Там же: 365].

Итак, по мнению А. А. Потебни, глагол **имамаь** в сочетаниях с инфинитивом не только играл формальную роль в образовании сложного будущего, но и мог вносить дополнительные модальные значения (для исследователя это значения уверенности или предположительности). В тех случаях, в которых А. А. Потебня видит для инфинитивного сочетания с глаголом **имамаь** значение «чистого» будущего ((а) и (б)), в действительности глагол, по всей видимости, вносит в инфинитивную конструкцию значение, выделяемое исследователем как значение (в).

Исследованию семантики т. наз. «будущего сложного первого» с разными модальными глаголами посвящены работы 80-х гг. XX в. Э. К. Мустафиной и Э. К. Мустафиной — Г. А. Хабургаева [Мустафина 1984а; 1984б; Мустафина, Хабургаев 1985]. Э. К. Мустафина, исследуя семантику инфинитивных сочетаний с глаголом **имамаь**, пишет, что этот древнерусский глагол в инфинитивных конструкциях всегда актуализирует значение неизбежности, неотвратимости какого-либо действия: «**видиши, колико зла створиша русь грекомъ, и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ...** — ‘Видишь, сколько зла причинили русские грекам, так и теперь: если (ты) не пойдешь, то они сделают [обязательно, неизбежно] с нами то же’» [Мустафина 1984б: 9]. Это близко к тому толкованию, которое предложил для «**имамаь налѣсти**» из Повести временных лет А. А. Потебня.

Само значение неизбежности естественным образом развивается из основного значения глагола **имѣти** = ‘иметь’, ‘обладать’. Действие или событие, выражаемое инфинитивом в конструкции, подается как уже «принадлежащее» субъекту, как «находящееся в его собственности». Именно такое «обладание» событием и выражает «**Х имамаь** (произойти)», т. е. ‘Х (непременно) произойдет’.

⁶ Тем более что есть варианты текста, в которых употребляется не простое будущее *λαλήσετε*, а аорист конъюнктива *λαλήσητε* [NT 1990: 34], обладающий модальным значением. У инфинитивного сочетания с **имамаь** наиболее вероятно здесь значение долженствования (о нем см. ниже).

⁷ Толкование А. А. Потебни.

Анализ источников дал следующие результаты.

В исследованных древнерусских деловых документах **имамь**-обороты не употребляются.

В летописных и житийных текстах конструкций «**имамь** + инфинитив» встретилось относительно немного. При этом большинство таких сочетаний в летописях принадлежит ранним записям (больше всего оборотов с **имамь** в ПВЛ — 26 в Лавр. и 30 в Ипат.). Это свидетельствует в пользу архаичности инфинитивных сочетаний с **имамь**. Обороты «**имамь** + инфинитив» считались, очевидно, маркированно книжными: об этом говорит высокая степень книжности всех обнаруженных контекстов, содержащих **имамь**-конструкции: ср., например, употребление в таких контекстах союзов **аще**, **доньдеже**, **понеже** и под., наречия **онамо**, причастия **рекъше** в значении вводного слова, местоимения **иже**, страдательных причастий настоящего времени и др.

1.1.1. В подавляющем большинстве летописных контекстов глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в значении неизбежности, неотвратимости. Контексты чаще всего — предсказание (неизбежное будущее) или клятва, ср.:

(1) **аще не подѣстѣните зѡрѣтра рано подѣ горо(д). предатисѧ имѣтъ** ([непрѣменно] *сдадутся*) **лю(д)ѣ пѣченѣго(м)** (ПВЛ Ипат., л. 26, под 968 г.). Здесь реализованы отношения ‘определенное условие (отсутствие помощи) — неизбежное следствие’.

(2) **молвашеть во азѣ славы дѣла не бѣжахѣ. тогда ѿ дружины. и нынѣ не славыи поутемь. не имамъ поити** (*ни в коем случае не пойду*) (КЛ, л. 226 об., под 1185 г.). **Имамь**-оборот употребляется в клятве. **Имамь** с отрицанием вносит в инфинитивную конструкцию значение ‘ни в коем случае не’, ‘ни за что не’.

(3) **изиде же бѣла рикъ рекъмъи король Оугорскъи. в силѣ тажъцѣ. рекшу емоу тако не имать встатѣ градъ Галичъ** (*городу Галичу [ни за что] не выстоять*). **нѣ кто избавляа и ѿ роукоу моею** (ГВЛ, л. 257 об., под 1229 г.). Возможно, употребленное в данном контексте сочетание — фразеологизированное и восходит к тексту Евангелия, ср.: **не имать остати съде камень на камени**, Мк 13: 2 [МЕ 1883: 167].

(4) **Тогда князь велики Михаилъ отвеща: «Тебе, царю, кланяюся, понеже ти поручилъ Богъ царствие и славу свѣта сего, а еможе ми велиши кланатися, сему не кланяюся».** **Блдега же рече ему: «Михаил, вѣдаа буди, жив не имаша быти** (*тебе [ни за что] не остаются в живых*)» (МС, л. 172 об., под 1246 г., св. Мих. Черниговский).

Следует отметить, что в Новгородской Первой летописи по Комиссионному списку 18 из 19 инфинитивных сочетаний с глаголом **имамь** встречаются во вставных текстах: в контекстах из ПВЛ (абсолютное большинство) и в цитатах из Св. Писания. Одна **имамь**-конструкция НПЛ (зафиксированная в обоих списках, причем для Синодального списка это

единственный пример оборота с **имамь**) принадлежит тексту «Повести о битве на Калке». Как показано в [Гиппиус 2009], эта повесть не является вставной [Там же: 194], но записавший ее летописец ориентировался в литературном отношении на киевскую традицию [Там же: 184—185]. Все контексты из Летописи Авраамки также новгородского происхождения: в основном, это текст ПВЛ. Единственное исключение — речь кн. Витовта — по происхождению тоже не новгородский текст, совпадающий с МС (МС, л. 340, под 6925 = 1417 г.):

(5) **имамь** **вса** люди **своеа** **земла** **въ** **свою** **Нѣмѣчкю** **вѣру** **превратити** (*непреренно* *обращу*) (ЛА 166: 19—20, под 6925 = 1417 г.).

По-видимому, конструкции «**имамь** + инфинитив» не были характерны для памятников новгородской зоны.

1.1.2. В житиях из Успенского сборника, как и в летописях, глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в том же типе контекстов и в основном реализует значение неотвратимости, ср.:

(1) (Святополк после убийства Бориса) **аще** **бо** **до** **сѣде** **оставлю** **дѣло** **оубинства** **можего**. **то** **дѣво** **ко** **имамъ** **чапати** (*мне [непреренно (следует)] ожидать*) **тако** **аще** **оуслышатъ** **мѧ** **братѧ** **моѧ** **си** **же** **варивѣше**. **въздадатъ** **ми** **и** **горьша** **сихъ** (СкБГ 13а 1—7 — 50⁸).

(2) **внѣ** **же** **пакы** **гласе** **кмоу**. **молю** **ти** **са** **оче** **таке** (!) **ѡселѣ** **не** **могоу** **прѣбывати** **въ** **келни**. **множества** **ради** **живоущихъ** **бѣсовъ** **въ** **ней**. **тѣгда** **же** **блжени** **прекрѣстивы** **и** **таче** **гла** **кмоу**. **иди** **и** **боуди** **въ** **келни** **свои**. **и** **штселѣ** **не** **имоутъ** **ти** **никогда** **же** **пакости** **створити** (*[ни при каких обстоятельствах] не причинят*) **лоукавин** **бѣси** **не** **бо** **видѣти** **ихъ** **имаши** (*[ни в коем случае] не увидишь*) (ЖФП 44в 16—28 — 100). Контекст — предсказание; глагол **имамь** актуализирует значение ‘непреренно’/ ‘обязательно’, соответственно, с отрицанием — ‘ни за что не’/ ‘ни в коем случае не’.

(3) (предсказание) **и** **рече** **придетъ** **ча** **егда** **не** **могоутъ** **помощи** **ласкавници** **ти**. **а** **мога** **словеса** **поминати** **имата** (*вы [непреренно] вспомните*). **нѣ** **не** **боудетъ** **что** **створити** (ЖММ 107г 3—7 — 195).

В ЖАЮ инфинитивных сочетаний с глаголом **имѣти** всего два, причем оба они встречаются в цитатах из Евангелия:

(4) **рѣ** **гъ** **о** **держацихса** **земныхъ**. **тако**. **«видаше** **оувидите**. **не** **имате** **видити»** (*[никогда] не увидеть вам*). **ѡ** **ни** **бо** **при** **хрѣстѣ** **быша**. **ходашо** **кму** **по** **землѣ** (ЖАЮ 2370/2373 — 273⁹). Это цитата из Евангелия от Матфея, где говорится о пророчестве Исаяи, ср. Мф. 13: 14: **сбываетъ** **са** **пророчество** **исанно** **глаголюще** **е** **слоухомъ** **оуслышите** **и** **не** **имате** **разоумѣти**. **и** **зъраше** **оузрите** **и** **не** **имате** **видѣти** по Маринскому Евангелию

⁸ В контекстах из Успенского сборника здесь и далее указывается столбец, строки и страница издания.

⁹ Здесь и далее в ЖАЮ первая цифра — номер строки, вторая — страницы издания.

[ME 1883: 43], в греческом тексте Евангелия, МАТΘ 13: 14 καὶ βλέποντες βλέψατε¹⁰ καὶ οὐ μὴ ἴδῃτε [NT 1999: 33]. Конструкция «**имамь** + инфинитив» здесь соответствует греческому аористу конъюнктива с οὐ μὴ, т. е. явно не является буквальным переводом с греческого. Глагол **имамь** вносит в инфинитивную конструкцию значение ‘ни в коем случае не’, ‘ни за что не’, как и в приведенных контекстах-предсказаниях из летописных источников.

(5) а индѣ весьдѣ брани и смѣщениа и голка велика с’творитсѧ по рѣномѸ. како «**слышатн имаѣ**» ([*обязательно/непрерменно*] *услышите*) **брани и слышаниа брании**» (ЖАЮ 5212/5214 — 408). Данный текст — из пророчества Христа в Евангелии от Матфея, ср. Мф 24: 6: οὐσλῡσῡατῡ жє **имаѣѣ брани и слышаниа брани**¹¹. Остр. Ев. [Срезн. III: 438]. В греческом Евангелии МАТΘ 24: 6 μєλλῡσєтє δє ἀκούσєι πολέμους καὶ ἀκοὰς πολέμων [NT 1999: 68] — в этом случае с помощью инфинитивной конструкции с глаголом **имамь** передано греческое сочетание будущего времени глагола μέλλω + инфинитив (о значении таких греческих конструкций см. выше). Контекст, как и первый пример, — предсказание, глагол выступает в том же самом значении.

Оба контекста с глаголом **имамь** из ЖАЮ, хотя и представляют собой евангельские цитаты, не являются прямыми кальками с греческого. Инфинитивное сочетание с **имамь**, как было сказано выше, в разных случаях может соответствовать различным формам или конструкциям греческого языка; в ЖАЮ это форма конъюнктива с οὐ μὴ и конструкция с μέλλω.

В переводном Житии Андрея Юродивого ситуация с **имамь**-конструкциями вполне соответствует ситуации в оригинальных древнерусских текстах.

Употребление **имамь**-оборотов в ЖАЮ, переведенном скорее всего в Новгороде [Молдован 2000], согласуется с предположением о том, что эта конструкция не характерна для новгородской литературной традиции, так как в ЖАЮ, как и в НПЛ и ЛА, глагол **имамь** в сочетании с инфинитивом встречается только во вставных (неновгородских) фрагментах.

1.2. Еще одно значение, реализуемое глаголом **имамь** в инфинитивных конструкциях, — значение долженствования.

Как и значение неизбежности, это значение логически связано с основным значением глагола ‘иметь’, ‘обладать’. Только основным здесь является не элемент собственно «обладания» событием, а то, что это событие находится в зоне ближайших действий субъекта. Речь, таким образом, идет о действии, которое субъект «имеет перед собою», то есть должен совершить.

У глагола **имамь** значение долженствования выделял А. А. Потебня, но только в сочетании с **быти** в значении «должно быть» [Потебня 1888: 365] (см. выше).

¹⁰ Есть вариант с простым будущим βλέψετε [NT 1990: 48].

¹¹ Канонический перевод: «Также услышите о войнах и о военных слухах» [Библия 2006: 1044].

Как показали исследованные тексты, существуют и другие употребления **имамь** в значении долженствования, хотя и крайне редко.

Инфинитивные конструкции, в которых **имамь** выступает в значении долженствования, встретились только в трех контекстах — из ПВЛ по Ипат., Лавр. и списку ЛА, а также в СкБГ.:

(1) и **ре(ч)** жена къ змию. **ре(ч)** бѣ не им(а)та гастн (*вы двое не должны есть*) или да оумрета смрѣтью (ПВЛ Ипат., л. 35, под 986; тот же текст в ЛА 3: 29—31). Этот контекст, вероятнее всего, не точная цитата из Библии, а пересказ, поскольку в греческом здесь следующий текст: ... εἶπεν ὁ Θεὸς Οὗ φάγεσθε (imperat. aor. 2 pl.) ἀπ’ αὐτοῦ οὐδὲ μὴ ἄψησθε αὐτοῦ, ἵνα μὴ ἀλοθανεῖσθε, Gen 3: 3 [Septuaginta I: 4]. Ср. в современном церковнославянском: ... и рече жена змию: Ѡ всакагѡ древа райскагѡ гастн бѣдемъ: Ѡ плода же древа, еже есть посредѣ раа, рече бѣ, не гасте Ѡ негѡ, ниже прикоснетеса емѣ, да не оумрете..., Быт. 3: 3 [http://www.bible-center.ru/bibletext?cont= oldslav_ru&txt=ge+3]. В греческом тексте перед нами императив аориста, что исключает возможность калькирования для **имамь**-конструкции.

(2) **пришедше** **взаша** и мертва **мн(а)ще** [и] **вynesше** **положиша** и **пре(д)** **пещерою** . и **оузрѣша** **яко живѣ** **къть** . и **ре(ч)** **игуменъ** **Θεωδосии** **яко се** **имать** **бѣти** (*должно быть*) **Ѡ бѣсовскаго дѣинства** (ПВЛ Лавр. 65—193, под 1074) — пример, приведенный в [Потебня 1888: 365].

(3) ...**симъ** **иже** **вѣроу** и **бесоумнениа** **просать**. **колико** **са** **имаши** **потрудити** (*сколько ты должен / тебе необходимо потрудиться*) **да застоупника** **обращеши**. **къ смъртноуמוу** **цѣрю** **приводащю**. и **тебе** **ради** **отвѣты** **творящю** **али** **нѣ** **приставьники** **всего** **рода**. **иже** **къ** **Богоу** **за ны** и **молитвы** **творятъ**... (СкБГ — чудеса 18в 21—31 — 59).

Итак, значение долженствования у **имамь** устанавливается только в трех контекстах. Может быть, это значение было более редким по сравнению со значением неизбежности. В частности, среди всех старославянских евангельских **имамь**-конструкций (полностью приведенных в работе [Birnbauм 1958]) значение долженствования можно предположить лишь у контекста **не пѣцѣтеса**, **како** или **чѣто** **имаете** **глаголати**, Мт. 10: 19, приведенном в начале статьи.

Данные всех исследованных источников подтверждают, что употребление **имамь**-конструкций было признаком книжного языка: даже в текстах гибридного регистра примеры таких сочетаний отмечаются только в маркированно книжных контекстах. Этот факт подтверждает ранее высказывавшееся исследователями (в частности, [Гудков 2007]) предположение о том, что инфинитивных оборотов с **имамь** не было в живом древнерусском языке. О том же говорит их отсутствие в древнерусских деловых документах. В современных русских диалектах также нет конструкций, генетически восходящих к сочетаниям «**имамь** + инфинитив».

II. Конструкции «*нмоу* + инфинитив»

Следует различать инфинитивные сочетания с формами *нмамы*, *нмаши*, *нмать* и сочетания с формами *нмоу*, *нмешн*, *нметь*. Эти конструкции различаются не только генетически — формы *нмамы*, *нмаши* и т. д. принадлежат к древней парадигме глагола *нмѣти*, а *нмоу*, *нмешн*, *нметь* являются формами глагола *нати* — но и семантически.

В отличие от конструкций «*нмамы* + инфинитив», свойственных книжным памятникам, конструкция «*нмоу* + инфинитив» встречается в памятниках деловой письменности (см. примеры в [Соболевский 1888: 168; Дурново 2000: 312]). В. И. Борковский отмечает формы сложного будущего с *нмоу* как основной способ выражения значения будущего в исследованных им грамотах [Борковский 1949: 147].

Относительно семантики и сочетаемости глагола *нмоу* по сравнению с *нмамы* И. Г. Соколова в работе, выполненной на материале памятников русской и украинской деловой письменности XV в., замечает: *нмоу* «входит в сочетания исключительно с инфинитивом НСВ, в составе этих сочетаний полностью утрачивает свое лексическое значение и не выражает каких-либо признаков ирреальной модальности» [Соколова 1972: 22]. По данным этой работы, для «*нмоу* + инфинитив» было характерно начинательное значение, которое в деловых памятниках XV в. «заметно ослабляется» [Там же]. Объясняется это «ослабление» тем, что «в юридических документах все внимание сосредоточено не на особенностях процесса протекания действия, в частности, не на выделении отдельных фаз данного процесса, а на установлении самого факта существования действия» [Там же].

Но так как главным в значении *начать* как в древнерусском, так и в современном русском языке, является именно указание на начало существования ситуации в целом [Апресян 1995: 75], то, по всей видимости, в действительности здесь дело не в «ослаблении значения начинательности», а в самих особенностях сочетаемости современного русского *начать*, который не может быть использован для перевода приводимого И. Г. Соколовой примера: «...который игумен или поп имет 8 тое ц/е/ркви пѣти, и не надобѣ ему мою дан/ь/» [Соколова 1972: 22]. Сочетаемость же древнерусского *начати* была шире, чем в современном русском языке. Эта особенность и служит причиной отмечаемого исследовательницей «ослабления начинательности». Поэтому данные И. Г. Соколовой о «начинательном» значении глагола *нмоу* указывают на близость значения *нмоу* в инфинитивных конструкциях значению древнерусского *начати* в таких же оборотах — инфинитивные сочетания как с тем, так и с другим глаголом отмечают момент начала существования ситуации¹².

Исследователи, изучавшие конструкции с *нмоу*, подчеркивали, что использование данного глагола — в отличие от *нмамы* — в сочетаниях с ин-

¹² О конструкциях с *начьноу* см. подробнее в [Юрьева 2010].

финитивом было характерно «для живого, а не книжного языка» [Кузнецов 2004: 255]. В старославянском языке не использовались инфинитивные **имоу**-конструкции со значением будущего [Гудков 2007: 21].

Именно на основе конструкций «**имоу** + инфинитив» развилось сложное будущее в украинском языке и некоторых русских говорах, что отмечено уже в [Потебня 1888: 363]. Наличие форм сложного будущего времени с *иму* в русских диалектах и в украинском отмечал и А. И. Соболевский [Соболевский 1888: 168]. В отличие от современных русских диалектов, в украинском языке вспомогательный глагол **имоу** превратился в энклитику и совершенно слился с инфинитивом. О существовании подобных форм в украинском языке и русских диалектах см. работы [Дурново 2000: 312; Соколова 1972; Мустафина 1984б: 53—54; Гудков 2007: 14] и др.

II.1. Имоу-обороты представлены не во всех исследованных деловых документах. Их нет в старших списках Русской Правды, в списке А «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом», изводах Оленинской редакции «Устава князя Владимира о церковных судах». Самое раннее свидетельство о использовании **имоу**-конструкций — это «Договор неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом», 1223—1225 (сп. нач. XIII в.). В списках второй половины — конца XIII века инфинитивных оборотов с **имоу** уже гораздо больше (в частности, это списки В, D, E «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом»), со временем их число растет. Все это может говорить о том, что обороты «**имоу** + инфинитив» начали распространяться в живом языке не ранее XIII в.

Во всех исследованных памятниках деловой письменности, где есть **имоу**-обороты, они употребляются однотипно: **имоу** никакого модального значения не выражает — за исключением возможного оттенка «начинательности», упомянутого выше, и в сочетаниях с инфинитивом лишь обозначает ситуацию в будущем, то есть выступает фактически как вспомогательный глагол, ср.:

(1)... или два дроуга **имета сѧ бити** (будут/станут драться), **кѣдѧго жена ѳиметь за лоно и роздавить...** (Устав кн. Владимира о десятинах..., из Синодального извода [Щапов 1976: 23]). Здесь, впрочем, не исключен и вариант соединения **имета сѧ** + **сѧ бити** (возьмутся драться)¹³. (2)... кто **иметь престоупати** (нарушит, станет нарушать) **правѣла си**, или **дѣти мон**, или **правноучата...** да **боудѣть проклати в' сини вѣкъ и в' боудуцѣи...** ([Там же: 24]). (3) **Аще кто имѣ двѣ жены во дѣти** (будет/станет... *держатъ*), **митрополитоу к' гривѣ**, а **которам пвѣгла**, **тѣю поати в до ц(є)рк(о)вныи**, а **первѣю женѣ держати по законѣ**. **Имет ли лихо ею держати** (будет/станет... *обращаться*), **казнью казнити** (Устав кн. Ярослава о церковных судах, осн. извод [Там же: 87]). (4) [А]ще **доумаеть**

¹³ О возможности употребления одного **сѧ** на два глагола см., например, в [Зализняк 2008: 191—192]).

жона на своего моужа или зеліємь, или иными людми, или пакъ иметь вѣдати (будет знать¹⁴), что хотать моужа еѣ оубѣти, а она моужѣ своему не скажетъ, а вполсѣ вѣдаснитса, разлѣчи (Устав кн. Ярослава о церковных судах, Румянцевская редакция [Щапов 1976: 132]). (5) аже боудѣтъ смолнаниноу немьчичь дѣлжнѣ въ ризѣ или на гѣтъскомь берѣзѣ. правити емоу поесъши дѣтъскын оу соудѣе. тѣ тѣ ли дѣтъскын не исправитъ возма мьздоу. приставити на нь дроутого. тѣтѣ ли еметь хытрити. а поставити и передѣ соудѣю. ать выдасть и соудя (Договор неизв. смол. князя с Ригою и Готским берегом, 1223—1225 гг. [СГ 1963: 12]). (6)... и которын. роусинѣ. или латиньскын. противоу. сек. правды. молвити. иметь. того почисти за лихн моужь (Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г., список В 1297—1300 гг. [Там же: 30]). (7) оже гостѣ немечьскын съ смолнаны приехалѣ на волокъ. послати емоу члѣка своего въ борзѣ къ волочаномѣ ать перевезоутѣ немечьскын гостѣ и смолнаны с товаромь. а никто же иметь имѣ пакостити. зане в тои пакости велнка пагоуба бываеѣтѣ ѿ погани. смолнаноу и немцомѣ (Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г., список D (рижская редакция) [Там же: 37]).

В новгородских деловых грамотах рассматриваемая конструкция также используется. Однако, по свидетельству В. И. Борковского, в отличие, например, от московских и рязанских грамот, где единственные формы будущего сложного — имоу-конструкции, в новгородских эти формы достаточно редки (6 случаев против 20 случаев с почьноу) [Борковский 1949: 148]. По данным [Зализняк 2004], на все берестяные грамоты представлен лишь один случай будущего с имоу (*имешь продавать*) из поздней грамоты 1380-х—1400-х гг. № 364 [Там же: 606]. Таким образом, даже в деловых текстах новгородского происхождения ситуация иная, нежели в грамотах из других диалектных зон: сочетания «имоу + инфинитив» здесь мало употребительны.

II.2. Из всех исследованных летописей имоу-конструкции встречаются только в ГВЛ, СЛ и МС. В ЛА глагол имоу представлен только в третьем разделе (где собраны различные юридические документы), так что в собственно летописном тексте имоу-конструкции не встречаются.

Употребляются обороты с имоу в том же значении, что и в памятниках деловой письменности, ср.:

(1) и посла с Василкомѣ три татаринѣ. именемь. Коуичниа. Ашика Болюга. и к томоу толмача розоумѣюща роускын газѣ(!). што имѣтъ молвити (скажет/будет говорить) Василко приѣхавѣ подѣ городѣ (ГВЛ, л. 283 об., под 1261 г.).

¹⁴ Не исключено здесь и употребление в значении ‘окажется, что знает’ — что дополнительно свидетельствует о сходстве имоу- и начьноу/почьноу-конструкций (о таком употреблении начати в инфинитивных сочетаниях см. [Юрьева 2010].)

(2) *А кнѣгини моѧ по моемъ животѣ. ѡже восхочеть в черничѣ понти поидеть. аже не восхочеть ити. а како еи любо. мнѣ не воставши смотритъ что кто иметь чинити* (*будет/станет делать*). по моемъ животѣ (ГВЛ, л. 299/299 об., под 1283 г., завещание волынского князя Владимира Васильковича).

(3) *Кгда же изви богаръ и повелѣ паломници тѣ пустити. а портгы повелѣ дати паломникѣмъ извигъ богаръ. река имъ въ кете гостн. а паломници. ходите по землѣмъ тако молвите хго иметь держати споръ* (*кто стает/будет спорить...*) с своимъ баскакомъ тако ему будет (СЛ, л. 170, под 1283 г.).

(4) *Болѣзнь же сицева бысть людем: преже, ако рогатиною ударитъ за лопаткѣ или противу сердца по груди и промежи крылъ, и разболѣвса начнет кровью хракати и огнь ражжет, по сем потъ иметь, по том дрожъ имет, и имет ходити* (*будет/станет «ходить»*) по всѣм ставом человекъ чин недугъ тон (МС, л. 339 об., под 1417 г.).

Что же касается памятников новгородского происхождения, то в них инфинитивных сочетаний с глаголом *имоу* нет. Вероятно, и конструкции с *имоу* — так же, как и инфинитивные сочетания с *имамь* (см. раздел I), — не были характерны для новгородской летописной традиции.

III. Сосуществование *имамь*- и *имоу*-конструкций

Как было сказано выше, между *имамь* и *имоу* существуют различия и в области семантики, и в сфере употребления. Однако в некоторых работах инфинитивные сочетания с формами *имамь* и *имоу* рассматриваются все же как один и тот же оборот. В связи с проблемой соотношения древнерусских глаголов *имамь* и *имоу* и объединением их парадигм в научной литературе интересно рассмотреть данные современных русских диалектов.

Словарь русских народных говоров отмечает у глаголов *иметь*, *имать*, *мать* в сочетаниях с инфинитивом следующие значения:

«*имать*... иметь намерение, желание делать что-либо, ощущать потребность в чем-либо, хотеть... *Иму пить*. Черепов., Новг., *Ен имал быть сам сядни суды*. Брян., Карач., Трубч., Орл...

имать... аю, аешь, иму, имешь... Вспомогательный глагол, формы будущего времени которого с неопределенной формой глаголов несовершенного вида употребляются для образования будущего времени изъявит. накл. ... *Имѣм есть*. Кинеш., Костром... *Я иму кататься, а ты дровушки возить*... *Старик-от имѣт драться*. Осташк., Калинин., Сев.-Двин., Волог., Нижегород., Новг., Калуж... *иму делать*. Волог., ... Каляз., Твер., Владим.»

«*имѣть*... С неопределенной формой глаголов выражает будущее время... *Ты с кем имеешь ловить?* Амур.»

«*мать*... Формы будущего времени с неопределенной формой глаголов несовершенного вида употребляются для образования будущего времени изъявит. накл... *Не му плакать*. Черепов., Новг...» [СРНГ 12: 190, 193; 18: 41].

В приводимых в СРНГ примерах на одно и то же значение встречаются формы, генетически восходящие к трем разным глагольным парадигмам: **имоу, имешн...** (*иму, имём*), **имѣю, имѣешь** (*имеешь*) и парадигме древнерусского глагола **имати** (*имал* — изначально форма глагола **имати**).

По данным диалектного словаря, сочетания «*иму, имём* и т. д. + инфинитив» — это формы сложного будущего, развившиеся из сочетаний глагола **имоу** с инфинитивом.

Для формы *имал* во фразе *Ен имал быть сам сядни суды* можно предположить значение, существующее в украинском языке и отмечавшееся исследователями в русских говорах. А. А. Потебня писал об этом значении украинского глагола *мати* следующее: «...в прошедшем... выражает неисполненное намерение... вероятность» [Потебня 1888: 365]. О существовании модального значения у глагола *мати* в современном украинском языке см. также [Юрковский 1991: 105]. Таким образом, *Ен имал быть сам сядни суды* может означать *Он собирался сам сюда прийти*.

По-видимому, в русских диалектах совокупность значений глаголов *мать, имать, иметь* является результатом объединения парадигм трех различных глаголов.

Формы настоящего времени *иму, имёшь* и т. д. (исначально парадигма древнерусского глагола **яти**), а также ставшие их вариантами формы типа *имеешь* (тематические формы глагола **имѣти**) в сочетании с инфинитивом служат вспомогательными для образования сложного будущего времени.

Формы типа *имал*, изначально принадлежавшие глаголу **имати** 'брать, хватать', относятся к единой контаминированной парадигме диалектного глагола *имать* (иметь): *иму, имёшь/имеешь...* (настоящее время) — *имал* (прошедшее время)¹⁵.

Таким образом, возможно, что в некоторый период у глагола **имѣти** «сосуществовали», то есть соотносились с инфинитивной основой **имѣти**, три парадигмы: парадигма **имамь, имаши**, парадигма **имаю, имаеши** и парадигма **имоу, имешн**.

¹⁵ Формы глагола **имати** 'брать' (не по исконной модели **имати—кмлю**, а по новой модели **имати—имаю**), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом **имѣти** (наряду с **имати**) — точно так же, как и формы **имоу, имешн**. Об этом могут говорить данные И. И. Срезневского, который толкует инфинитивные сочетания с глаголом **имаю** как формы будущего времени, например: «Тогда ты имають предъ ними голдовати... *Пор. гр. Молд. б. 1395 г.*» [Срезн. I: 1092]. Интересно, что все примеры И. И. Срезневского — из памятников западно-русского происхождения: из Закладной грамоты польского короля Владислава Ягелло молдавскому воеводе Петру 1388 г., Поручной грамоты молдавских бояр польскому королю Владиславу 1395 г., Купчей на имение Ходора Шидловского пану Ключу 1400 г. Следует заметить, что в приведенных И. И. Срезневским контекстах для глагола *имаю* в принципе не исключено значение вероятности, намерения, которое отмечается у украинского глагола *мати* и русского диалектного глагола *имать*.

Именно такую соотнесенность с одним инфинитивом исторически разных парадигм и отмечал, например, П. С. Кузнецов, когда при описании сложных форм будущего времени в духовных и договорных грамотах московских и удельных (близ Москвы) князей XIV в. объединял формы с **имоу** и **имамь** [Кузнецов 1959: 239]. По всей вероятности, по той же причине **имоу** и **имамь** рассматриваются как формы одного глагола и в [Ломтев 1956].

Как уже говорилось в разделе I, инфинитивные конструкции с формами **имамь**, **имаши** не были свойственны живому языку, употреблялись исключительно в книжных контекстах и имели определенное модальное значение, которое со временем, возможно, перестало пониматься писцами, и **имамь**-конструкции стали восприниматься как книжные аналоги живых сочетаний «**имоу** + инфинитив», тем более что формы 3 лица множественного числа у них изначально омонимичны — **имоутъ**. Формы же парадигмы **имоу**, **имешь**, как уже было сказано выше, использовались в чисто вспомогательной функции. Несвойственность конструкций с **имамь** живому языку, в отличие от форм с **имоу**, подтверждается, в частности, отсутствием «наследников» этих сочетаний в диалектах.

Процесс контаминации парадигм отразился на развитии значений: одни и те же формы *иму*, *имѣшь* в диалектах могут не только служить вспомогательными для образования форм сложного будущего времени, но и выражать, как и форма *имал*, значение намерения, которое первоначально принадлежало глаголу **имати**.

В русском литературном языке в некоторых случаях тоже возможны инфинитивные сочетания с глаголом *иметь* — конструкция *имеет быть* и под. [Даль II: 43; БАС 5: 299; МАС I: 661], но у них нет генетической связи с «**имамь** + инфинитив» или «**имоу** + инфинитив» (и, соответственно, с современными диалектными конструкциями) — это заимствование из западноевропейских языков [Обнорский 1953: 161; Дурново 2000: 312 и др.] (ср. нем. «haben + zu + инфинитив», англ. «have + to + инфинитив», франц. «avoir + à + инфинитив» со значением долженствования).

III.1. Как показал исследованный материал, обороты «**имоу** + инфинитив» употребляются в деловых текстах не позднее первой половины XIII в. Что касается времени появления **имоу**-конструкций в летописях, то оно обычно указывается как «более позднее» по сравнению со временем фиксации инфинитивных сочетаний с **имамь** — ср. [Мустафина 1984: 53—54].

В самых ранних летописях — ПВЛ и КЛ — конструкций с **имоу** нет вовсе.

В ГВЛ есть и **имамь**-, и **имоу**-обороты. В этой летописи сочетания «**имоу** + инфинитив» зафиксированы в записях не ранее 60-х гг. XIII в. (то есть только в Волынской части, см. [Генсьорский 1961]) — тогда, когда в этом памятнике уже не встречаются инфинитивные сочетания с формами типа **имамь**, **имаши**, **имать**. Таким образом, употребление тех и других сочетаний в тексте летописи оказывается хронологически распределен-

ным, причем периода их сосуществования на материале ГВЛ не выявляется — кажется, одна конструкция сменяет другую. По-видимому, это указывает на начало проникновения книжной формы сложного будущего «**нмоу** + инфинитив» в язык летописания (что поддерживается и отсутствием сочетаний с **нмоу** в летописных памятниках до третьей трети XIII в.). Инфинитивные сочетания с рассматриваемым глаголом употребляются в составе летописи и в нормативных документах (завещание Владимира Васильковича), и в прямой речи, и в повествовательном тексте. В СЛ единственный пример с **нмоу** тоже встречается в контексте последней трети XIII в.

Ни в одной из ранних летописей не зафиксировано конструкций с **нмамь** после середины XIII в.

Особый интерес представляет употребление **нмамь**- и **нмоу**-конструкций в поздней летописи — Московском своде конца XV в. В этой летописи встречаются сочетания «**нмамь** + инфинитив» в контекстах после середины XIII в., ср.:

(1) **Еще же к томѹ бы распра межи нх и разность, овин хотахѹ поставити Иоанна в митрополиты, а друзини Пимина, и тако по томѣ съгласившеса вси въ единѹ дѹмѹ и ашаса за Пимена, а Иоанна оставиша. Иоанъ же рече: «азъ нмамь не обвинѹася глаголати (я [непрененно?] буду... говорить) на вас, ако не истиньствѹете ходаще, но со лжею глаголите и ходите»** (МС, л. 272, под 1377 г.). Приведенный контекст — речь церковного лица. Вполне естественно, что используется книжный, считавшийся, видимо, престижным оборот с **нмамь**. Кроме того, не исключено, что это цитата.

Еще один контекст — речь Витовта — повторяется в ЛА (см. пример (5) в разделе I). Два из трех «поздних» примеров инфинитивных сочетаний с глаголом **нмамь**, зафиксированных в МС, выступают в «стандартных» и для ранних летописей контекстах (клятвах), и **нмамь** реализует свое основное значение неизбежности.

Самый поздний контекст МС с глаголом **нмамь** употреблен в записи второй четверти XV века: (2) **А твое превысочаншии во Господа и з вошим желанием просим сего митрополита о оправдании и о добрѣ церковнем прежереченнѣм, да примеши богарадно и нас дла, зан(!) же то и з желаниемъ и со многым рачениемъ к тебѣ о нем приказываемъ во всѣхъ вещьехъ, еже нмаши видѣти ([непрененно?] увидишь) от него о церковнѣи пошлинѣ пристоание** (361 об. — 259; 6945 = 1437 г.; о «латинской ереси», еп. Евгений — кн. Василию Васильевичу о митрополите Исидоре). Здесь **нмамь**-конструкция используется не в предсказании и не в клятве. Возможно, перед нами обещание (*непрененно/несомненно увидишь*) — и тогда у **нмамь** в инфинитивном сочетании то же значение, что и в предыдущих контекстах. Однако вполне вероятно, что к моменту написания МС у **нмамь** в подобных книжных оборотах значение ‘непрененно’/‘обязательно’ уже не воспринималось пишущими, и сочетание «**нмамь** + инфинитив»

вставлялось в текст как застывшая специфически книжная конструкция, значение которой не осмыслялось отчетливо. Возможно, **имамь**-конструкции в это время уже осознавались просто как книжные варианты живых сочетаний «**имоу** + инфинитив» и, соответственно, никакой модальности не выражали.

Еще два достаточно необычных контекста с **имамь** из Московского свода принадлежат вставному тексту Жития Феодосия Печерского и читаются под 1074 г.:

(3) ... **аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ имать малитиса и потреби монастырьскиа начнут оскудѣвати (!), то вѣдуще будите, ако не угоди есмь Богу** (МС, л. 5 об./6, под 1074 г.) — *Если же после моей смерти монастырь станет беднеть (начнется ситуация обеднения монастыря), «количеству монахов придется уменьшиться (?)» и нужды монастыря станут уменьшаться, то знайте, что я не угодил Богу.*

(4) ... **аще угодишь буду Богу, то по моемъ отшествии от мира сего монастырь сен начнет строитиса болми, и все в нем имать множитиса, то вѣсте, ако прилтъ есмь Богомъ...** (МС, л. 6, под 1074 г.) — *Если я окажусь угодившим Богу, то после того, как я покину этот мир, монастырь станет быстро и много строиться и все в нем обязательно умножится(?) — знайте тогда, что я принят Богом.*

Текст *Жития Феодосия* в МС восходит к ПВЛ, ср.: **аще по моемъ шшествини свѣта сего аще буду. Бѣ оугодилъ. и приалъ ма будеть Бѣ. то по моемъ шшествини монастырь са начнетъ строити и прибывати в немъ. то вѣжете како приалъ ма естъ Бѣ. аще ли по моемъ животѣ оскудѣвати начнетъ монастырь. а черноризци потребами монастырьскими. то вѣдуще будете. како не оугодилъ буду Бѣ** (ПВЛИ 69 об. — 178, под 1074 г.).

Поскольку **имамь** в первоначальном тексте отсутствует и появляется уже в позднем памятнике, а значение «вспомогательных» глаголов в конструкциях **оскудѣвати начнет** и **имать малитиса** из первого примера, а также **начнет строитиса** и **имать множитиса** из второго совершенно одинаковое: описывается начало существования будущей ситуации — можно предположить, что в повествовании о житии Феодосия Печерского из МС отражена ситуация, когда древняя, маркированно книжная и, возможно, уже непонятная **имамь**-конструкция могла быть отождествлена с живой **имоу**-конструкцией и поэтому как книжный вариант «**имоу** + инфинитив» употреблена в свойственном этой последней конструкции значении будущего без каких-либо модальных оттенков (о близости **имоу** и **начьноу** см. в разделе II).

Таким образом, особенности функционирования **имамь**-конструкций в МС несколько отличаются от ситуации в исследованных летописях, относящихся к раннему периоду. В большинстве случаев — как в ранних, так и в поздних чтениях — глагол **имамь** в инфинитивных конструкциях выступает в том же значении, что и в контекстах из ранних летописей.

Но в трех контекстах МС можно предположить утрату лексического значения **имамь**, связанную с позднейшей заменой живого сочетания с **нмоу** на книжное с **имамь**.

Употребление **нмоу**-оборотов в МС также отличается от ситуации в ранних летописях. Все конструкции с **нмоу**, как и в ранних летописных памятниках, имеют значение будущего и не осложнены модальными оттенками, но, в отличие от ГВЛ и СЛ, контексты МС записаны не только после второй половины XIII в., но и под более ранними датами. Однако все такие употребления **нмоу**-оборотов, по всей видимости, были результатом позднейшего преобразования исходного текста:

(5) **Изяслав же приказал баше послу своему: «аще ти не нмѹт по любви креста цѣловати (не будут/станут... целовать), то рци нмѹ, еже есмь слышали»** (МС, л. 48/48 об., под 1147 г.). Параллельное чтение из Киевской летописи отличается от приведенного текста МС наличием возвратного **са**: **Изяславъ же рекъ баше послѹ своему ѡже ти са не нмоуѹтъ по любви хрѣста цѣловати. скажи же нмѹ како есме слышали** (КЛ, л. 127, под 1147 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках КЛ в соответствующем инфинитивном сочетании также читается **са не нмоуѹтъ**, что говорит в пользу более позднего преобразования первоначального текста в МС. Таким образом, чтение КЛ отличается от МС по смыслу: в КЛ (**са не нмоуѹтъ**) — *Если они не согласятся (не возьмутся, не обяжутся, не соберутся) — то...* Ко времени написания МС инфинитивное сочетание, по-видимому, было переосмыслено как «**нмоу** + инфинитив» (*не станут/не будут целовать*), то есть как «чистое» будущее.

(6) ... и рече нмѹ: «се ранѣнъ есмь велми, молитеса о мнѣ къ королеви, а азъ томѹ каюся, что есмь емѹ сердце вередилъ и противѹ его стал, но согрѣшшему и Богъ отдаеть, аще са имет каати» (*станет/будет раскаиваться*) (МС, л. 67, под 1152 г.). В параллельном чтении из Киевской летописи — нѣ же королю Бѣ грѣхы ѡдаваетъ а чѹ ми сего ѡдан (КЛ, л. 162, под 1152 г.) — нет слов **аще са имет каати**. В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи также отсутствует этот элемент. Это, как и в предыдущем случае, позволяет предположить, что данный фрагмент может быть более поздним, — когда в летописный текст уже проникла живая древнерусская конструкция «**нмоу** + инфинитив».

С другой стороны, возможно, что в данном контексте МС употреблен не **ати**, а **ати** + **са**: **са иметь** + **са каати**¹⁶, то есть, соответственно, инфинитивное сочетание выражает значение *возьмется, примется каяться*.

(7) ... и послаша отрока того ночью в город, написавше емѹ знамение свое и рѣша емѹ: «иди къ Мѹстиславу и рци емѹ: глаголють ти тако Берендичи, Тудоръ Гатмазович и Карась и Кокѣи». Се бо быша началници и нх дружина. «Тако в нас ти есть, княже, и добро и зло, аще имешь нас любити (*будешь/станешь обращаться с нами «по любви»*), ако же и отець

¹⁶ Ср. **имета са** + **са бити** в примере (1) из *Устава о церковных судах*.

твон любил нас, и даси нам по городу по доброму, то мы на том отступим от Издслава» (МС, л. 79/79 об., под 1159 г.). В Киевской летописи в соответствующем фрагменте используется не *нмоу*, а *хоцю*: *се му же началници бѣша Тудоръ Гатмазовичъ. Каракозъ Мнюзовичъ. и Карасъ. Кокѣи и гали бо бяху в зажити Күзмю Сновидича съ штрокомъ и послаша штрока Күзмина ночь. напсавше ему. свое знаменне. рекше ему иди оу Бѣльгородъ. ко Мьстиславу и молви ему тако в насъ ти есть кнже и добро и зло. аже нѣ хоцеши любити (намерен обращаться с нами «по любви»). тако же нѣ есть любилъ шць твон. и по городу нѣ даси по лепшему. то мы на том ѿступимъ ѿ Издслава.* (КЛ, л. 179 об., под 1159 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках так же. Видимо, в более позднее время контекст переосмысливается и вместо подчеркивания элемента намерения просто указывается, что действие произойдет в будущем, с использованием получившей «право на существование» в тексте летописного повествования формы.

(8) Рекоша бо и се оканнии они свадци къ Давыдови: «егда иметь вас звати Мьстиславъ на обѣд, тогда и иметь вас (когда Мстислав *будет/станет звать, позовет* вас на обед, тогда (он) вас и схватит), и слово наше будетъ право к нам» (МС, л. 95, под 1169 г.). Этот контекст тоже имеет соответствие в Киевской летописи, и на месте *нмоу* в трех списках КЛ также используется другой глагол — на этот раз *начьноу* (*почьноу*): *рекла же башета. и то слово Дѣдѣи шже ва Мьстиславъ почнетъ звати (станет звать) на шбѣдъ то тѣ ваю гатье будеть. а наю слово право будеть к вама.* (КЛ, л. 139 об., под 1170 г.). В Хлебниковском и Погодинском списках КЛ *начнѣ Мьстиславъ звати*. Здесь смысловая разница между «*нмоу* + инфинитив» и «*почьноу* (*начьноу*) + инфинитив» практически отсутствует, тем более что, как уже говорилось, оборотам с *нмоу* было свойственно «начинательное» значение. Соответственно, в своде XV в. «*почьноу* + инфинитив» заменяется ставшей «нормальной» для своего времени *нмоу*-конструкцией.

В «бесспорных» контекстах МС, как и в СЛ и во львинской части ГВЛ, *нмоу*-конструкции фиксируются примерно со второй половины — конца XIII века. Таким образом, данные МС не противоречат выводам, что примерно в это время такие сочетания и начинают употребляться в летописи.

Итак, в Московском своде отражено позднее смешение *имамь*- и *нмоу*-конструкций: в памятнике конца XV века есть и те, и другие; встречаются обороты с *имамь*, явно употребленные в том значении, которое было свойственно сочетаниям «*нмоу* + инфинитив»; в ранние контексты проникают *нмоу*-обороты, заменяя старые конструкции с *хоцю* и *начьноу* (*почьноу*).

О таком же смешении говорят и данные некоторых юридических документов. Так, в изводе Стоглава *Устава кн. Владимира о десятинах, судах и людях церковных* (осн. сп. третьей четверти XVI в.) вместо *иметь престоупити* (как в других списках — см. пример выше) употреблено *имать*:

...кто **имать престѹпати** (в др. престѹпити) правна сѣа, или дѣти мон, или внѹцы мон..., а **имѹ обидити сѹды ц(є)рковныа** или ѿнимати, да бѹдѹт прокляти в сѣи вѣкѣ и в бѹдѹщѣи... [Щапов 1976: 59].

В новгородских памятниках использование **имамь-** и **имѹ-**сочетаний отличается некоторыми особенностями. Как было сказано в разделах I и II, **имамь-**конструкции отсутствуют во всех собственно новгородских исследованных текстах, а «**имѹ** + инфинитив» не употребляются в летописях и крайне редки в грамотах. Можно предположить, что в новгородской зоне обороты с **имѹ** появились позже, чем в южных и центральных говорах.

Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы о соотношении глаголов **имамь** и **имѹ** в инфинитивных конструкциях.

С момента появления в живом языке **имѹ-**оборотов (возможно, начало XIII в.) употребление этих глаголов было четко распределено: конструкции с **имамь** — всегда в модальном значении — употреблялись только в книжных контекстах, обороты с **имѹ** — практически во вспомогательной функции — использовались вначале в деловых и юридических текстах. В ходе распространения **имѹ-**конструкций и в собственно летописное повествование проникает живая форма сложного будущего с **имѹ** (предположительно после второй половины XIII в.), и со временем обороты с **имамь** и **имѹ** начинают смешиваться. Очевидно, парадигма глагола **ѣти** уже воспринимается как новая парадигма **имѣти**, а конструкции с **имамь** в поздних текстах используются только как книжные соответствия **имѹ-**конструкций, не имеющие никакой дополнительной модальности.

Литература и источники

Акты 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836.

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. Т. 5.

Библия 2006 — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 2006.

Борковский 1949 — В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение. Львов, 1949.

Буслаев 1881 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1881.

Генсьорский 1961 — А. І. Г е н с ь о р с к и й. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.

Гиппиус 2009 — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 191—198.

Гудков 2007 — В. П. Гудков. Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках // В. П. Гудков. Исследование частных вопросов истории славянских языков. М., 2007. С. 12—22.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. II.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецов 2004 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2004.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985. Т. I.

МЕ 1883 — И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Мустафина 1984а — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Мустафина 1984б — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет»: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Мустафина, Хабургаев 1985 — Э. К. Мустафина, Г. А. Хабургаев. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хоуу* и *моуу* (на материале ПВЛ по спискам XIV—XVI вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20—32.

Обнорский 1953 — С. Н. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т. I—II.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2004. Т. XXV. Московский свод конца XV в.

СГ 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.

Соболевский 1888 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

Соболевский 2003 — С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. М., 2003.

Соколова 1972 — И. Г. Соколова. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века: Автореф. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1901—1903. Т. I—III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. Л., 1982. Вып. 18. Тихомиров 1953 — М. Н. Т и х о м и р о в. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

УС — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Под ред. Я. Н. Щапова. М., 1976.

Юрковский 1991 — М. Юрковский. Сложное будущее время в украинском языке XIV—XV вв. // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола / Под ред. Г. А. Хабургаева, А. Бартошевича. М., 1991. С. 101—113.

Юрьева 2010 — И. С. Юрьева. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом **начати** // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 20 (в печати).

Birnbaum 1958 — H. Birnbaum. Untersuchungen zu den Zukunftschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslawischen. Stockholm, 1958.

NT 1990 — The Greek New Testament / Ed. by K. Aland, M. Black, C. M. Martini, Bruce M. Metzger, and Allen Wikgren in cooperation with the Institute for New Testament Textual Research, Münster/Westphalia under the direction of K. Aland and B. Aland. Third Edition (Corrected). 1990.

NT 1999 — Novum Testamentum graece post Eberhard et Erwin Nestle. Stuttgart, 1999.

Septuaginta — Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes editit A. Rahlfs. Duo volumina in uno. Stuttgart, 1999.

I. Y. YURYEVA

THE INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS **ИМАМЪ** AND **ИМОУ** IN OLD RUSSIAN TEXTS

This article deals with such constructions as «**ИМАМЪ** + infinitive» and «**ИМОУ** + infinitive» and their correlation in Old Russian texts.

The constructions «**ИМАМЪ** + инфинитив», in which the verb **ИМѢТИ** has a meaning of inevitability or obligation, were considered as stylistically marked bookish forms — they were used in specific contexts, were not used in the letters and the Princely statutes; there are no constructions in modern Russian dialects which can be traced to **ИМАМЪ**-conjunctions. In the Novgorod texts there are no constructions «**ИМАМЪ** + infinitive» at all.

The **ИМОУ**-constructions, which were peculiar to spoken language, unlike the constructions with **ИМАМЪ**, had no modal value. On the basis of these constructions forms of periphrastic future in the Ukrainian language and some Russian dialects have developed.

Probably with the course of time the copyists ceased to understand the modal value of the infinitive constructions with **ИМАМЪ**, **ИМАШИ**, and **ИМАМЪ**-constructions began to be interpreted as the analogs of living constructions «**ИМОУ** + infinitive» — especially since their forms of the 3 person plural are originally homonymous — **ИМОУТЬ**.

Keywords: periphrastic Future tense, verbs **ИМАМЪ** and **ИМОУ**, Old Russian Chronicles, letters, Princely statutes.